

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА
ЧЕЛОВЕК В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
(на примере произведений А. Аврутина)**

Рассматривается лексико-семантическое представление концепта *человек* в идиостиле А. Аврутина, место речи в структуре этого понятия. Обращается внимание на особую роль личных имен в экспликации речевой деятельности в поэтическом тексте.

We consider the lexical-semantic representation of the concept *person* in idiostyle of A. Avrutin, the place of speech in the structure of this concept. Attention is drawn to the special role of personal names in the explication of speech activity in poetic text.

Идиостиль поэта опирается на национальную культуру, следовательно, художественный концепт в основе своей имеет общекультурный концепт. Од-

ним из важных факторов организации художественного текста является антропоцентричность, поэтому в центре внимания исследователя при изучении такого текста должен находиться концепт Человек.

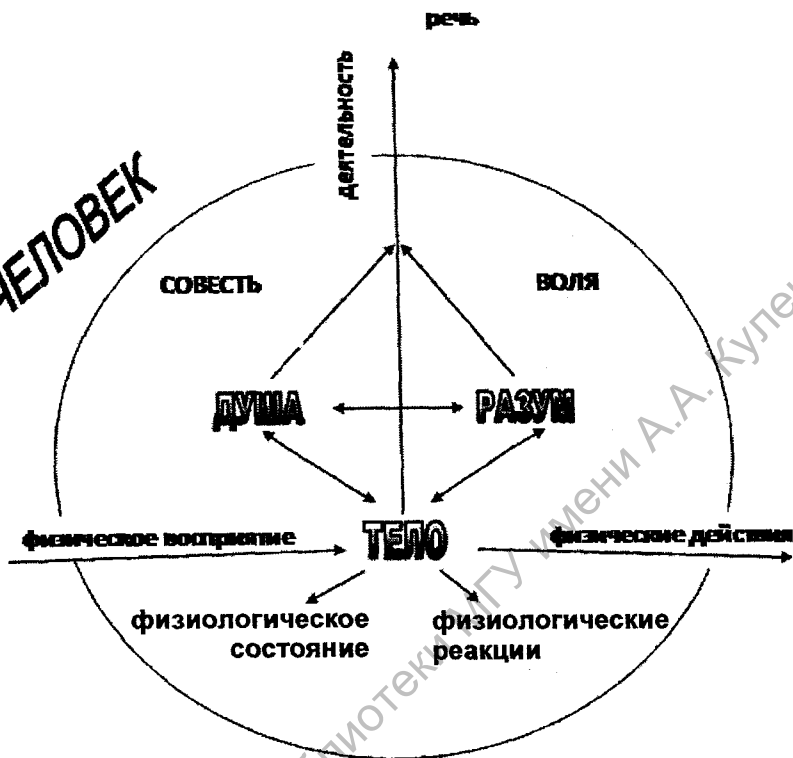
Рассматривая русскую языковую картину мира, Ю.Д. Апресян подчеркивает, что Человек в русской языковой картине мира выступает как деятельное существо, выполняющее физические, интеллектуальные и речевые действия, ему свойственны определенные состояния, он реагирует на внутренние и внешние воздействия. Кроме того, в человеке действуют силы, приводящие в действие и останавливающие системы Человека. Последние Ю.Д. Апресян выстраивает в иерархию: физическое восприятие – физиологические состояния – физиологические реакции – физические действия и деятельность – желания – мышление – эмоции – речь [1, с. 353-360]. Нам данная картина представляется следующим образом, см. Рисунок 1.

Рассмотрим лексико-семантическую репрезентацию концепта Человек в идиостиле А. Аврутина. В поэтическом тексте Человек – это прежде всего лирический герой, но его картина мира и понимание Человека отличается от общенациональных: многие связи и отношения между элементами системы осознаются и осмысливаются, и тем самым усиливаются, в то время как в общенациональной картине мира существуют на уровне подсознания. Связи систем Человека могут сохраняться, но усиливаться или ослабляться по сравнению с русской языковой картиной мира, формируются и новые отношения между элементами системы.

Так, при физическом восприятии окружающего мира лирическим героем органы чувств работают не так, как у обычного человека: *И вдыхаю молчанье, / и чувствую вкус голосов* («Хоть, пожалуй, никто...»). Функции органов чувств меняются, причудливо сочетаются, удваиваются: *Увидеть зрением двойным / Двойной судьбы отображенье?* («Когда, намучившись вдвойне...»).

Физиологические состояния проявляются преимущественно страданием: *Все те слова, что бормочу и внемлю, / Стократно отразились от небес. / Они теперь – единый сгусток боли, / А если боль окажется права, Мои слова потомок проглаголит, / Как я глаголю пращуря слова* («Кто в сотый раз пришел на эту землю...»). Страдание эксплицируется через метафору болезни, которая раскрывается через болезненные ощущения, состояния, симптомы и даже названия болезней, вызывает определенные физиологические реакции: *Тревогами истерзанное тело / Нитьем костей встречает вечера* («Как странно! – жить...»). Избегая авторского «я», А. Аврутин широко использует различные типы односоставных предложений: *Тихо заплачешь о многом...* («Помнишь холодные грозы...»), *Брести беременной дорогой, / Совсем не думая о том, / Что зябко...* («Брести беременной дорогой...»), *Полнолуние... Озноб... Весна... / Ком под горлом, и нету мочи.* («Полнолуние... Озноб... Весна...»).

ЧЕЛОВЕК

Эмоции и мышление эксплицируются через лексемы *душа* и *дух*. Душа в произведениях поэта персонифицируется, существует как будто отдельно от лирического героя, хотя остается внутри тела: *Где и твоя обманщица-душа / Болит внутри обманутого тела* («В зеркальной раме вовсе не чело...»); *Возвращусь... Пошептавшись с душой, / Сколок дня положу на бумагу* («Сжав ругательство под языком»).

Наблюдаются противопоставления «дух – плоть», «душа – тело». Лексемы «душа» и «дух» у поэта различаются по значению: дух – это, в понимании А. Авергутина, сознание, разум. Человек – это единство души, духа и тела.

Эмоции лирического героя эксплицируются лексемами *безрадостно, тягостно, тяжело, тревожный, смятенный, печаль, тоска, жуть, ужас, печаль вековая, тоска мировая, вселенская жуть, вселенский ужас, которые составляют своеобразную шкалу эмоций: Тягостно... Предсентябрево, / Преднепогодно в душе* («Крупная рыба плеснула»). Чувства эти вызваны пустотой вокруг, неопределенностью и неустойчивостью окружающего времени и пространства, то есть возникают в результате физического восприятия окружающей сре-

ды. Ср.: *И снова в душе твоей нет ни души* («Какие-то вехи...»); *Постель пуста и даль пуста* («Все как всегда...»); *А мокрые дома бесформенны и шапки* («Опять грядет зима...»). Следует отметить, что эмоции сопровождаются оценкой (заключена в лексическом значении вышперечисленных слов и словосочетаний), а это предполагает не просто переживание, но и осмысление переживаемого, то есть участие разума.

Основная деятельность для лирического героя – речь. Семантическим примитивом в данном случае являются глаголы *сказать*, а также *петь* (последний включает в действие элемент творчества), *читать (стихи)* (озвучивать результат творчества). Для письменной речи – *писать*. Стилистическими синонимами глагола *сказать* являются высокие *проглаголить, глаголить, молвить*. Семантическими и семантико-стилистическими его синонимами является ряд слов, представленных в таблице.

Интенсивное действие	Семантический примитив	Неинтенсивное действие	Отсутствие или прекращение действия
Крикнуть Возвыситься голосом (+ высок.) Гаркнуть- свистнуть (+ снижен.)	Сказать Петь Читать (стихи) Писать	Прошептать	Молчать Замолчать

Мне довольно шмелиного гуда, / Склеротичного скрипа осин, / Чтob Иуде сказать: «Ты – Иуда», / А Создателю: «Да, триедин...» («Мне и стылого ветра довольно...»); *Возвысился голосом, гаркнул-свистнул в рассветную рань* («Век серебряный...»).

Агенсами речи могут выступать *пророк и поэт: Так столетьями шло от пророка, / Сорвалось с Моисеевых губ...* («Так столетьями шло от пророка...»). Личное местоимение *я* – лирический герой – используется редко и обычно выступает в форме *мне* в безличных конструкциях.

Результатом устной речи являются *слово* (контекстуальный антоним *словечко*), *словарь, глагол, речь, полуречь, полукрик, песня, пение*, письменной речи – *строка, строчки, стихи, письмена, тайнопись, письмецо, книга*. Орудием устной речи становится *голос* (контекстуальный антоним *голосок*), письменной речи – *перо*, средство – *чернила, блокнотик, тетрадь*. Ср.: *Пять строчек обманных... Пустые слова – / Так сложно печаль переплавить в чернила!* («В кармане, где полупустой коробок...»).

Наиболее частотной является лексема *слово* (*словцо*, контекстуальный антоним *словечко*), сопровождающаяся определениями с положительным и отрицательным оценочным значением: *дерзостное, вещее, звенящее / напрасное, мятворожденное*.

Элементы речи могут персонифицироваться на основе развернутой метафоры: *Слова перишли где-то под гортанью, / Спирали горло, тыкались в кадык, / На снег размякший, в кашину сметанью, / Плевком летел гортанный полукрик* («Был тучен день...»).

Большой интерес в плане репрезентации речи как деятельности представляют антропонимы. Тематическая группа имен собственных, называющих поэтов и писателей, несомненно, имеет прямое отношение к данному виду деятельности. Выделяются также тематические группы имен собственных героев литературных произведений и названий произведений. Данные тематические группы можно отнести к прецедентным именам. Прецедентное имя, как правило, отсылает к широко известному (прецедентному) тексту или к прецедентной ситуации [2, с. 48].

Наиболее ярко представлена группа имен собственных поэтов серебряного века: *Блок, Гумилев, Пастернак, Хлебников, Мандельштам, Есенин* (вариант *Сергей Есенин*), *Ходасевич, Марина* (Цветаева) и др. Автор использует также отнимные прилагательные (*Есенинская речь, блоковский*) и существительные и словосочетания – топонимы, являющиеся окказионализмами (*Гумилевия, Северянинский край, Ахматово, Есения, Хлебниково, Мандельштамия, Волошино*).

Мятежный Блок, тревожный Мандельштам / И Ходасевич, кашляющий сухо... / Еще не знать, что будет наречен / «Серебряным» твой век – светло и гордо («Мятежный Блок, тревожный Мандельштам...»). Антропонимы в данном случае отсылают читателя к творчеству названных поэтов, определения-эпитеты характеризуют их творчество, выявляя наиболее существенные черты.

В качестве персонифицированного агенса в одном из стихотворений выступает *Серебряный век*, наименование является гиперонимом по отношению к гипонимам – именам собственным поэтов.

Большую группу составляют имена собственные современных поэтов – русских и белорусских: *Светлов, Рубцов* (вариант *Коля Рубцов*), *Марук, Письменков, Миша Стрельцов, Федюкович Микола, Тарас, Крыга, Сыс, Кислик, Кулешов, Блаженный, Игорь Блудилин, Лев Куклин* (*Лева Куклин*), *Гречаников Толя, Степан Гаврусев, Сергей Трахименок, Володя Жиженко, Иван Сабило* и др. Уменьшительные формы антропонимов выражают дружеские отношения между поэтами. Например: *Там опять по проспекту / Бредет очарованный Кислик / И звонит Кулешову, / Торопко зайдя в автомат* («Как летят времена!»). Антропонимы отсылают нас к личностям поэтов.

Менее частотны имена собственные поэтов и писателей XIX века: *Мицкевич, Пушкин, Лермонтов, Достоевский*.

Имена героев литературных произведений и песен, с одной стороны, отсылают читателя к авторам, с другой – к самому произведению, с третьей – к ситуации, описанной в произведении: *Ярославна* («Слово о полку Игореве»), *Стенька* (народная песня), *Каменный Гость* («Маленькие трагедии» А.С. Пушкина), *Татьяна, Онегин* («Евгений Онегин» А.С. Пушкина), *Прекрасная Дама* («Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока), *Катерина* («Гроза» А.Н. Островско-

го), *Смердяков* («Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского), *Раскольников* («Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского), *Муму* («Муму» И.С. Тургенева) и др. Эти же функции выполняют и названия литературных произведений: «*Отцы и дети*» (роман И.С. Тургенева), «*Возмездие*» (поэма А. Блока), «*Анно Домини*» (сборник А. Ахматовой), «*Гренада, Гренада, Гренада моя...*» (стихотворение М. Светлова). Например: *Так испокон. В мечтах – «Отцы и дети», / Онегин от любви к Татьяне пьян. / А в станционном гаденьком буфете / «Прекрасной Даме» жаждется стакан* («Поля и лес... И снова лес и поле...»). Антропонимы «*Отцы и дети*», *Онегин*, *Татьяна*, *Прекрасная Дамы* отсылают читателя к проблематике классических произведений, придают глубину столкновению мечты и действительности.

Концепт Человек в картине мира лирического героя А. Аврутина состоит из тех же элементов, что и аналогичный концепт в русской общенациональной картине мира, однако связи между элементами устанавливаются иначе. Такой элемент концепта, как речь, приобретает глобальные масштабы и не только занимает высшую ступень в иерархии, не только проникает во все остальные элементы, но и прорастает в культуру. Особенности лексико-семантической репрезентации концепта Человек проявляются прежде всего в экспликации речевой деятельности: от общенациональных отличаются не только примитивы, но и все семантическое поле, причем значительное место в нем занимают антропонимы.

Список литературы

1. Аפרесян, Ю.Д. Избранные труды : в 2 т. / Ю.Д. Аפרесян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
2. Красных, В.В. Этнопсихолінгвістика і лінгвокультурологія : курс лекцій / В.В. Красных. – М. : ІТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.